

Данил ФАЙЗОВ

ПЛЕЯДА

Улицы детства

Возрин не дорожал, это Куня копейки на сдаче сшибает. Тыква, кричит, по мелкому есть?!!

Пусть и так, но какое мне дело. Возрина у меня на все каникулы, этих, под окном, шугануть дело плёвое. Капитанский по сути, но кто из них про то помнит.

А было что помнить. Как колючей проволокой на Вязовке обмотали чур не зашквар, а теперь я им давай, ага. Перипатетику тоже дядя Вася не зря кильдует, дорого им станет. А если и «Врунгеля» раньше десяти включают, то уж не знаю.

Возрин – он какой-то мягкий, как пластилин, но тоньше, что ли. У него музыка такая, нажал чуть, и как в гнусавой фильме про джедаев. Нажал чуть сильнее – и мультик выходит, коты и мыши. Наши сначала давили что есть силы, а потом вон где все, чураются.

Я же не так, собрал всех на свете и родителям пишу. Вот так и пишу, пальчиками чуть надавить и выйдет здравствуй, ещё чуть надавишь – мама. И папа. Почему-то папа вторым. Приезжайте, я по вам соскучился. Тут-то он и заканчивается, там ещё чуть нажать и выбрать, маме или папе, и что, но можно оставить на другой раз, а пока...

Нет, совсем не дорожал, Куня прав. Сдачи на копейку, а Тыкве отвечай потом – почём шло тогда, по столько и отдавал. На ул – три вдоха, на пр-т – четыре. На пер – один, но то редко бывало, обычно улы брали, порой по два и по три, а перы мне оставались, редко кто так дышал, да и хватало ли той дышалки от Островского до Мамина-Сибиряка.

Именно Куня дохлых светляков по пути снял, ему всегда на них везло.

Мои письма могут не дойти. Но как такое возможно, в нашей лучшей на свете почте как может потеряться последнее дыхание возрина, котором я наивно запечатывал конверт, и не быть им первыми, и не быть добрыми и последними, а просто не быть они ещё не пробовали, ну и так не дышать ничем мне.

Лета такого-то ваш

Данил Файзов родился в 1978 году в Игарке (Красноярский край). Жил в Вологде, в 1998 году переехал в Москву. Окончил Литературный институт им. Горького. Стихи публиковались в журналах «Арион», «Знамя», «Интерпоэзия», «Новый Берег», «Новый мир», «ШО» и др. Автор нескольких поэтических книг. Предыдущая публикация в «Волге» – стихи (2024, № 7-8).

1.

Ну верх наива было считать, что моржи пойдут за нас, тем более что капралы предупредили. Им-то что, да и жалок их боец супротив нашего Мягони. Так нет же, повынесли с голоса, все споры и бары вырубил и давай крошить-перечить. Я в те секунды ловко одних забыл, вторым под муху кинул слово заветное, а как совсем началась окрошка, так впал, только коленки моржовы обхватил, и бьют меня, и корамыслят, а хорошо-то как, все замыслы чистые, всё жизненно-важные печёнки жарятся сапогами, я в домике, кучно каблуки ложатся. И тут загибайские побежали.

Что их червянуло, понял не сразу, лежу в юшке, а тихо вдруг стало, и только соловей в овраге, где ивняк ещё, заливается. Ну, думаю, либо капралы передумали, либо Мягоня всё же ихнего Бенуа завалил наконец и пошёл мелочь крушить. Но как просто всё вышло – включили синие экраны и так борзое спало. У нас-то в Бывалово давно всё это видели, а их бойцы первую линию оставили, на второй даже Муха и Куня вертухами могут, а третью Невзор шелбанами разгонит... эпической битвы хотели, Фермопил, блядь, а тут синие экраны, и бой неравный, даже с моржами, хотя те и грызли мыло перед схваткой.

2.

Калитин вообще был зубрилка. Спросишь бывало, в какой год генералу Кульневу оторвало ядром кураж и танцульку, а он прям весь пыж и пыж, надут, важен, куда твой сом, куда твой индюк, лета говорит, одна тысяча восемьсот двенадцатого комету видели, и она живую того обратила в нечисть, и те чертей рисовать перестали. Ну, мы дальше его обычно не слушали, дату сказал, и то хорошо. Опять же, сеть не у каждого, а про героев знать это теперь особый спрос.

3.

Тыквой меня по имени назвали, Дания-Дыня-Тыква. Капралы конечно так воздух не меси, у них всё просто, звание, номер полигона, а по-свойски наши имя и произнести не могли. Оно ж ясно, там еврейский корень, отсыхает, как хвостик арбузный, язык. Но запретно не было, кто хочет помолчать денёк, тот так прямо и приходит: Здравствуй (а вот кто, до сих пор сказать не могу), говорит, Даниил. А далее свобода, воля вольная. Капралы бешутся, но сделать ничего не могут, поскольку дырка у них в наборе была, когда можно один раз без погоняла перед строем представиться. Дырку в том заборе потом заделали, Илюхе не повезло, Сане, а мне-то что, кто моим именем не поёт все четыре гимна хоть раз в день, то и пусть.

4.

Как появился возрин. Кто бы знал. Вначале было почти неинтересно, только Куня обнял ствол борщевика, а потом орёт, больно мол, нет терпеть мочи. Ну, мы червяков ему дождевых на язвочки накидываем, знаем старую музыку, припеваем хором: «Не бойся борща, а бойся леща!» А тут я, дурак, язвочку трогаю, и нет вокруг дурных тех и этих, ка-

пралов и прочего туризму, а только мама. И папа. Папа опять на втором месте, в стороне стоит, а мама по голове гладит. Руку отставил, все вокруг чорхают, гулят, понять ничего не могут, а мне хорошо так... дурак, не втайнил, поведал сначала Куне, потом Мухе, потом и Мягоне даже. Зря, видимо.

5.

Курчавые солистки шли отдельно. Они шли, шли, шли, будто путь их был не ими выбран, а дорожка одна-единственная, пыльная, песчаная, их даже жалко было по первой, знать ведь не знают, поют себе свои свиристели и, как там, фонели, и эти, как их, по верхним нотам, каптели, что ли, а что в конце тропки – и на знают. Я-то уже знаю, но сказать им... не, не решаюсь.

6.

Капралы всегда появлялись как бы ниоткуда. Вроде просто, с одной стороны Островского была от Крылова, с другой лес только, ну и картофельные грядки с колючей проволокой, но вот нет. То из шестого дома, от дачников с Урицкого, то из семнадцатого, а то вообще выворачивают от Салеховых, и как домой к себе в жизни, фьют. В те годы, кстати, жирные они были, откормленные, и то, мошка знатно уродилась, хоботки и жвальца у них толстенькие, сытые. Муха тронул однажды – случайно, конечно, трясло дня три, я ему потом возрина щепоть сыпанул, полегчало, но не раз что видел, только взгляд безумен был, чёрств, кулажен, боялся всего. Нет, капрала трогать – ищи дураков.

7.

Ели обычное. Пенку, смолку, вехоткой крошки смахивали, мыльце малиновое, клубничное реже, козла за рога хватали, потом облизывали (ай вкусно!), но тяжести рогов не касались, ему их нести. А на смолку порой сыпали мятлик мельчёный, и укроп, им-то одним по сути и жили, а вечером самовар, лепный, с шишкой и без гомона, смиренно.

8.

Когда хорошая погода, тогда босяки, голытьба, тела остужать, не оглядываясь, кто первый водогрей, и люто, в пруды, карьеры, заводи, в любое болото, лужицу, ижицу, фиту, юсы йотованные друг другу дёргая шутейски, большие и малые, всплески, брызги, удаль голи, голосит молодёжь, всё ей можно, если солнце и июль!

9.

В какой момент всё начало становится мёртвым? Осы переходят в жарком климате на сторону зла – жалят нещадно шевеление, а если кто кильданёт, то тем более, лето ж, им легко и ладно. После жалоб капрал Егорыч намазал половину укусов маслом, вторую – укусом, рёк – так любое жало как бутерброд, иначе как кожей вверх не упадёт. Ржали, конечно, сначала.

10.

Моржи не с полпинка появились, как и светляки. Первых так звали, потому что уже к пятнадцати были усыаты, мордвораты, тельнисты и частью зубы крошили о школьный мел да мыло грызли, а частью слушали молодецкое всякое, и после парной в студёную не лебезя, с радостью.

Вторые жили у затона, на Заречной и на Гоголя, а там, в отличие, были фонари, и к ним подобраться с набегом не то что б легко – своих патрулей не держали, но обе бабки, баба Маня Бенуа и баба Анюта Ягофарова, во все глаза свет белый проглядывали. Тёмной-то ночью порой выходило кабачок найти, но то нечасто, а потом ко всем тeneвым грядкам те же капралы свечек налепили, да и экраны синие стали включать без объявления. Крадётся, бывалоча, между двух гряд – а тут загорается. И справа, и слева морж и светляк тебя обихаживают. Ну его, этот кабачок.

11.

Венерка и Азат отца не видели и даже не помнили. А мать помнили, но она сгнула на птицефабрике. Как сгнула – неясно, как все там, квохчут-квохчут, и вон нет никого, бабка растила с дедом Ринатом. Он-то и научил, что бей пока не поздно, клубника с грязью вкусней, русский татарину братьё навек, полька в чешках засаленный снег, пушка-царь да боярин-календарь, выдохни и вынырнет, и над тобой утро новое, да гладь пруда и тень не вода. Азат базово малохолный да жилистый, Венерка тоже жилистая, но резвая. Я как-то говорю: «Фенимора читала?» – а мне в ответ: «а ты с кем одной душой живёшь?»

Азат проще был, его капралы за что приметили – ежели обидит кто, покрупнее малость, в сторону отскочит, каменюку с-под ног зацепит и в затылок, и тикать. Его моржи песочным прозвали, как часы, не поймаешь. А разобьёшь – грусть-тоска.

12.

Мягоня был не то чтоб туповат, но силушка его не в ту степь крутилась, где думать. Ему Невзор всегда в помощь был. Тут же как – его развернуть в сторону, где вражина, недруг, или добыча какая, а не то сольёт наших (слово окрошка откуда пошло?). Так вот Невзор и крутил-вертел Мягоной когда надо, но то до поры, потом капралы вычислили, моржам слили, а те хоть невеликого, но с ходу по три трутня на Невзора вешать стали, да курчавые рядом от них поют, отвлекают. Где тельца наших, Мягоной пришибленных, где и чуждые – все синяки ли да ссадины зализали, или глину солёную на вкус очерничивают, кто ж его теперь.

13.

Знакомимся с Капитанским. Сам назвался, сам появился из пены морской (ха!) добрый молодец, рослый, крепкий, на шестнадцать в тринадцать смотрелся, и всё мог, и с вертушки, и знал песни из «Врунгеля» наизусть, и первый мятлик всегда находил, и козла не боялся. Не так здоров, как Мягоня или даже Невзор, но светляки и моржи его боялись,

силу источал и смотрел так, что молчать мочи ни у кого не было, любой правду пытался оглашать.

14.

Измерение глубины пруда нырянием. Вроде три-четыре человеческих роста, но это же так, на глазок, на вдох-выдох. Маринуешь углекислый газ в мышцах, всплываешь на то место, которое не кажется тебе глубоким, отгоняешь незлобным матерком катамараны, лодки, плоты, прочих любителей баттерфляя и кроля, чтобы, всплывая, кумпол не огла-сил, и – руки по швам, движение вниз, далее чуть-чуть себе помочь правой и левой, ладошками только. Коснулся дна – какое оно там, нежное, песочное, илистое – не успеть понять, воздуха уже совсем не хватает, вверх, вверх, загребая руками, выгребая, и тут два киля, один правее и безопасный, другой прямо над тобой, отрыгивает вчерашнего минтая, а ты выныриваешь в считанных сантиметрах от этой двухтелой птицы.

15.

«Врунгель» был всем и ничем. Чёрная история про невыносимого и жестокого, потом с неё сделали копию в ряде южнокорейских сериалов, с удивлением наблюдающего, как тельняшки приобретают цвет клюквы, вот про такого морского волка смотреть интересно было всем, и нашим, и моржам, и остальным. По секрету Азат и Венера мне рассказывали, что и капралы ему отдают должное, и времени не жалеют, и даже зёрна перед синим экра-ном насыпают, чего от них обычно не дождёшься. А песни, какие там песни! Я их потом как-нибудь ещё напою.

16.

Первым в капралы пригласили Невзора. Неудивительно, рослый, статный, кровь с молоком да угольком, в свои четырнадцать дважды реального капрала удельывал, удаль видна, золотой зуб, всё при нём. Чуть бы побольше начитанности, так и сразу в лейтёхи, так нет, грит, глаза ещё портить, экраны – они и то отнимают, а что прибавят? Не занимать ему афористичности было.

Калитина вторым хотели, так полевой верёвочкой, вьюнком удавился. Я уж и не помню, как трава та называлась.

И вторым тогда почему-то позвали меня. Странно, я размером с полкапрала и, с их по-зиций, неуверенный какой-то, ящерку вылавливал, конечно, а горноста я нет. Про ящерку потом расскажу, а вот как с горностаем было. И Азат, и Венера уже как бы кандидаты, но не совсем, им обещали, на словах, и тут чернявые меховые змеи со всех сторон, говорили, королевские. Венеру кусат, Азат лопатой отбивается, а я смотрю – решётку опустить заби-ли, вмиг справился, уползают. Что ж, говорят, не бил? Жалко, говорю, стало, не со зла они зубы в ход, с таким послужным какой капрал, так нет же.

17.

Кто из них, капралов, придумал название, я не знаю. Не Егорыч, точно, он и слов таких не знает. Но и не лейтёхи, эти носы вертят как мухи в кроссворде, перпендикулярно всё, а

мозгу ноль. Как высших звать, я и сейчас не знаю. По крайней мере, Капитанский, сколько ни брехал, но всё понимали, что чей-то сын, чтоб и не самого Германа.

Так что ж, название какое-то несуразное выбрали, как выматерился (тут уж совсем нельзя, но в то время было помягче) – ПЛЕЯДА. Капитанский мне потом говорил, втирал – а я делал вид, делал вид, делал вид, что верил, что, дескать, звезда такая есть, но увидеть её не так просто, а надо шмеля на ключицу посадить, да чтоб не куснул...

В основном я всегда ему верил, но тут уж извините.

18.

Я ещё не знал для чего готовят таких, ну ласковых, что ли. Целесообразных и колченогих.

Плеяда, блядь. Именно эту песню из «Врунгеля» обычно напевали пенные капралы, пенные, это те, кого в караул в субботу, ну ясно, пивчанский, воблянский, всё что мы любим.

Плеяда у нас такая
здесь Родина смотреть не устаёт,
Как мы не ждём токая
У будапештовых высот.

19.

Муху приняли последним, дурной просто, вычурный. То зубную пасту с горохом смешает, то весь запас мятлика распылит, а ещё июль только, то моржам алтын из-за забора покажет, ну, в шутку конечно, а нам зализывай. Но всё же смелый был, верный, безудержный, я поручился, и остальные, негоже, говорим, своего в словах держать, годен, он, годен.

20.

Вот так мы и получились, «Плеяда». Шептались, что Герман хотел сразу, чтоб семеро было нас, вот и считайте: Капитанский, Невзор, Азат с Венерой, Мягоня, Муха и я. Ещё Куню и Калитина в запасе держали, сказали быть готовыми, в любую секунду, и чтоб как от зубов отскакивало. И роли разделили. Сына своего он на песню поставил, ну, понятно. Мягоня подтягивания и закалка, стальной ведь. Азата с Венерой разделили, он в гигиену, она в гастрономию, никуда не денешься, стереотипчики. Невзор на строевую и математику, потому что слагать умел как никто, Мухе что попроче досталось, яды и смеси питательные, а мне словесность, ибо каждый должен уметь, ну, вы поняли, не зря же наши улицы так назывались.

21.

Герман нас построил. Майки форменные, белые соленые, всё по моде, а штаны, чтоб не выделяться, любые, и кеды, кеды. Стоим, бояться вроде нечего, жалования ждём, Герман ходит и жалуется, жалуется.

А потом и речь начинается. Для того вы здесь, шантрапа, что директива с самого верху, всех кому десять стукнуло, готовить надо, уверенность вселять, да и обучить, и намылить, если потребуется. Вы – лучшие из лучших, верные из верных, поручился я за вас головой, своей, погонами, лычками да лампасами, и орденом самым дорогим моим, Викентия второй степени. Со дня завтрашнего ваша группа заходит на Известковый, там здание управления, и будет оно и вам, и питомцам вашим, новым домом. Первым и единственным, главным и первичным, ни голода там не хватитесь, ни холода не оберётесь, павки вы, в конце концов, или светляки позорные?

Мы гаркнули что-то, но понимания речь не добавила.

22.

Здание управления в Известковом умиляло. Мы там раз сто бывали до того, знали облупленное очень. Три корпуса как один дом, в галерейках, граффити и похабени, один из них, двухэтажный, нам определили, второй этаж наш, первый пионеркам. Муха сразу Венеру ловит и Невзора за руку, и подвал шарить, что там, как, запирается ли. Замок наши, ржав до зелени, но скрип-поскрип, а надежда наша, не сковырнуть. Капитанский зал для песни репетнул, ничего так, голосисто, и дверей аж две, не свергнут, коли ворвутся. Я книги осмотрел, недурно, и Басё, и Фуко, Геродот порадовал, и Эко, прямо библиотека вавилонская. Азат баню затопил, веники свежие, и масла откуда-то остались, от прежних, видать.

23.

Самое большое пространство, актовое, подписанное, и тоже, видать, от прежних, нары двухъярусные, нарядные. Разделённое, сорок мест пионерских, широкое, этаж первый. И семь наших, на втором. Три двухэтажных ложа, плюс одно обычное, Венерино, и ещё одно обычное, резерв, на него накидано бельишко да спальники.

Венера кухню дёрнула, а там, ну, по нашим-то меркам, пир горой, чего только нет: и травное, и специй три вида, и смолки сколько хочешь, и маслице, и хлеб, хлеб – так Капитанский и сказал, не к добру это, много видал я, по этой земле ступая, не бывает запросто так изобилия, где-то грешны мы.

24.

Дивило – ни одного синего экрана. Нам, в общем-то, без разницы, но пионеры ещё не всего «Врунгеля» на зубок, им может и полезно. Ан нет, всё прошерстили, один старый неработающий нашли, Капитанский опять прозорливо молвит – неспроста это, может, гужа где-то кроется, не споётся, не сладится, все ли в ноту без экрана попадут. Но Невзор успокаивает – мы-то на что, и подскажем, и подпоём, нас же тут семеро, не чужь нести, верой-правдой служить поставлены.

25.

Осмотрели подсобные классы, вышли на крышу. Муха всегда в том первый, предложение его обычное, плодовое, дурманящий, и кто бы хоть раз нос отвернул, нет, дураков

нема, достали. На меня зыркнули, ну как есть возринчик-то? Но я свои запасы берегу, отнекался, откуда такое богатство, и не по чину, и сами с вами последнее на неделе ущучивали, совесть-то поимейте. Не лебезил вроде, но Азат заподозрил, лыбнулся разок.

26.

Тут Капитанский затянул. Протяжную, любимую из «Врунгеля», и сам бы я лучше момента не выбрал. Баритон, густой такой, с лёгким подрагиванием связок, слезу выдавливает, и каждый, каждый на этой крыше понимает – мы – наши, каждый из нас – наш, голос его – наш, не зря всё, и вот уже каждый из нас целых два часа капрал, а то и три, и песня льётся не просто, а удобряет влагой слёзной тот росток единства нашего, который силой пробивает асфальт злобы чужой, и спасибо старшим капралам, и Герману, что выбрал именно нас, павок, уж мы не подведём, мы проведём всей силушки своей, всей медвяной, вскормленной травами густыми, да полями широкими, да скалами резкими, да сосняком молодым и ивняком горьким.

Вот что Капитанский пел:

«Варяг» потонет но останется «Аскольд»
а «Дир» на стапелях и ждёт сражений
пять труб и кто приветствует раскол
тот знает где ему самосожженье!

А мы знали, что песня та впереди всех летит, позор кто не услышит её, только нежностью переполнены были.

27.

Первая ночь. Ещё пионэры не пригнаны, мы сами по себе, танцы-шманцы, но никаких, не думайте, после песни Капитанского все на подъёме жажнули, и отбой, это Герман Невзору доверил, обозначал прямо, есть лидер формальный – ты, тельняшка, и неформальный, голосистый, учитеесь жить с такими пространствами. Я первым осаниться прекратил, а там и остальные горизонталят, долго ли, если нет развлечения, храп и раздался, несильный, ну, так, в допустимых, мне, например, не особо мешал.

28.

Про моряков-подводников забыл, их нам кинули к трём часам во второй день, мы снулые, они фигушки крутят, это ещё мягко сказано, растерзали обе подушки, мы трубу единственную ловим, но нет связи, спят уполномоченные. Вроде гнать их надо, не по нашей части, взрослые, чумовые, да ещё и стояки в каждую стенку тычут, на Венерку глазки кладут. Мы им положили.

Старый неработающий синий экран Муха приволок и малевать, ну, похоже ли, не поймёшь, но как бы баба, а эти уж и не помнят, как что выглядит, ярят, мы все отвернулись, интимное всё ж. Баню по второму разу Азат топил, ругается, с ног валится, но топил.

Как притопил, так и дверь притопил. Топнут и топнут, им не привыкать.

29.

В первую ночь, мы даже караул не успели обсудить, всё пели. Светляки гряди гуртом в одно окно, решётчатое, кулаками махали, локтями махали, дурь всю свою вылили, выпили. Я смотрю на них, сбоку так, корёжатся, поверчиваются. Куды ж вы, говорю, лезете, убогие, а нет, сипят, слюнку вниз-вверх гоняют, но ползут. Одних Капитанский развернул, другим Мягона в тулово въехал, так и удалилась рать их. Не то чтобы и особая.

30.

После этого Невзор меня зазвал на крышу.

– Спать, – говорю, – хочу, не пойду.

– Надо, – говорит.

Надо так надо, ладно. А сказать что-то хочет, и не может. Пытается. «Не густо всё, – наконец вымолвил. – Светляки ерунда, моржи посильнее будут, но тоже замашем. А вообще всё зачем? А мы с тобой зачем? Ну вот зачем твои очки, и я, вот такой как бы крепкий пока, а дальше видно будет, завтра я тебе нужен? Хорошо, не завтра, года через три? Четыре?» Так-то по уму, но тоскливо мне стало, и обнял я его. Не держи, говорю, будет и то, и ручка. А кто кому нужен, не нам решать, даже у капралов есть кто выше, ты вот теперь капрал, а кто над тобой, власть верховная? То-то и оно, одумайся, будет тебе добро, будет и слово моё ласковое.

31.

Выспались, высыпали на плац, что зёрнышки твои, пионэров ждём. И вот пазики чух-пых, вывалили зверёнышей, диковатых, мёрзлых, глазки туда-сюда стреляют, нет бы по уму, так ж кому ум дал, кто ж кому разрешил. Все драные какие-то, чумазые. Капитанский сходу командует: «В баню!» Азат с утра разогнал уж, и по десяткам ведём в жар, в пар, в музыку температур, чтобы отшелушилось нездоровое с тел, чтобы чистые помыслы. Пару поймали, на кильдиях, но простили по первой, вообще нельзя, но разочек можно.

32.

Выдыхаюсь, ту ночь не описать уже.

Если поедешь на линию противотанковых ежей,

Не забудь лису и сову.

По сути, для этого и живу.

Для того становлюсь писателем,

Глотку рву, и бумагу рву.

Не выходит совсем. Хриплый голос песен правдивых, за жизнь, из «Врунгеля», не оставляет, но как у него не выходит совсем. Вроде бы и вот всё как думаю, по правде, пишу, а не то, не цепляет... Но он же и старше был, когда писал эти песни. Узнать бы, как зовут его, адрес, поехать и спросить, да хоть в самую Москву, что не найти, что ли, там же его лю-

бые знают. Так вот подойти и сказать. А что сказать? Что восхищён и так же как вы хочу, но что-то не выходит, уж подскажите, где ошибка-то?

33.

Первые занятия. На плацу Мягона их гоняет, щерит, сразу видно разделение, пополам примерно, уголок двадцать делают, остальные кряхтят только, но подтянуться до восьми все вроде потянули, включая и всех трёх девчат. Для начала уже неплохо, а я во вторую группу глядываюсь, где глазки поблескивают от снаряда, там не факт, что мои стажёры, а если тоска, обязателька, мука смертная – глядишь, кто и сгодится. Присмотрел троих, и на замену ещё одного, мало ли. Указал Капитанскому в боевые караулы их не ставить пока, он хмыкнул, но вял.

34.

Как Венера умудряется это делать – откуда что берётся? Смолка в масле печёная, хлебом посыпанная, щебет сосновый (это верхушки сладкие, послала собрать вокруг Известкового пионэров), и масло, и на десерт папоротник в меду, и это на сорок семь человек, а ведь времени не густо было. Потом узнал, что отрядили ей с утра, конечно, в помощь, ну и кого, как думаете? Тех, кого я и отобрал для себя. Не для бою, но двойная нагрузка на ребятишек, и по хозяйству, и с духовностью, потянут ли?

Я Венерку потянул я за рукав и спрашиваю: «Дальше-то что думаешь? Так же всё, или иначе?» «В медсёстры пойду, – говорит, – училище в Ревде, недалеко. Как мамка сгнула на птицефабрике, всё думаю, как сделать так, чтобы боли поменьше было, и если кто ожёгся, или ещё закрыл как, то спасти чтобы».

35.

Плац, кстати, был на уровне, ворота, разметка, кольца сбоку от футбольного. Тут я уж развернулся после Мягони, и стал делить. Невзору вторым капитаном выпало. Уже давно нам капралы говорили, что командовая игра, дух её, сильны весьма, и нужно и круглое катать, кидать, забрасывать, бить и лелеять – это рецепт сплавивания, и чтоб не увернуться, а на потере дыхания рвануть и дотянуться, и партнёру отдать, всё то, что вроде уже своё. Коллектив, команда – важнее личного. Я присматривал умненьких, глазастых, и верно вышло. Собрал в кружок. И как играть начали, тут и вышло зачем я тут – мой-то с Невзоровскими и не сближались, круглый в сторону на ближнего, тот на третьего, а та, да ещё дальше, четвёртой. Пять-один да минут пятнадцать, можно и больше, но Капитанский игру остановил, Невзора отозвал и предложил другую игру. По воротам на силу. И чтоб били мы с Невзором. Я по моей команде в стенке, он по своей.

Тоже глуповато вышло, два-два. Он сильно лупил, но в сторону, а я на точность, но удар слабее куда, я одного чуть рассадил, Невзор моему удалцу (три гола) мозг сотряс, но вышло, что и припозорил нас перед младшими...

36.

Обед Венерин нам, проголодавшимся, продрогшим, очень даже зашёл. А потом уж и духовное началось. И моя картина мира стала на время главнее отжиманий.

Так говорю, а пионэры рассыпались по залу, сидят на матах, ушибленное потирают, или животы, или и то, и другое, – кто из вас книги читал, все необязательно, какие тронули. Лес рук, ага. И не перелесок, но с десяток. Я бы сказал, что бывало и хуже, но сравнивать не с чем, пусть и так будет, всё лучше, чем ничего. Гендерно начну, решил. Рыжая девица, веснушчатая, глаз злой, но умный. – Что у тебя в багаже? – «Отцы и дети», Бажов, ну, там, «Хозяйка медной горы» и «Каменный цветок», и «Тарас Бульба».

– Неплохо, говорю, едем дальше.

С татуировкой многоцветной шибздик, с глазами бешеными, признался в Паланике и в афоризмах Фаины Раневской, и вспомнил ещё «Хроники Амбера». Прогрессивный, опасный даже.

– А если ещё по классике?

Выловили, в итоге, «Роковые яйца», «Собачье сердце», «На задворках великой империи», третью часть «Войны и мира» (чуть удивило) и стихи Роберта Рождественского...

– Ну, пионэры, это синие экранчики, что там было, то и знаете, а буквы-то, буквы кто читал отдельно от них.

Отдельно вышло ещё Веллера найти. Что ж, база есть, будем прокачивать.

37.

Свободное время пионэрам отделили под шахматы и нарды. И первый день даже не ограничивали, но предупредили, что уж завтра играют не на интерес – на наряды, на чтение и пропение перед сном, на отжиг трав для ядов и зелий, а пока – пусть играют. Парочка ушлых попыталась с ходу в нардах на крапленых камнях себе пенного заёрзать, но мы с Невзором их быстро вычислили, и отправили горох охранять, опасно, да, но там никогда до крови большой не доходит, так, получают малость.

38.

– Капитанский, а кто такие «прежние»? Почему капралы ни разу мне про них не говорили?

– И мне не говорят, даже отец.

(В первый раз проговорился, имени не назвал, но было понятно, что и самому ему не по себе.)

– А отец знает?

Ощутить как кулак, готовый сломать твою челюсть, пролетает в миллиметре от неё, а потом увидеть оскаленное лицо – и слова, слова прямо увидеть: «Не лез бы ты, Тыква».

И после этого, добрее: «Чёрт знает, отец – вряд ли».

39.

Караулы расставили. Ночь вторая прошла спокойно, но и если кто напасть хотел, тоже рассчитывали, что после первого удара мы будем готовы и поставим в бой сильных... эту ночь спали спокойно. Однако, одно удивило.

Я спустился на первый, и слышу: «Они расстреливать выводят, и первым – попа. Молодого вполне, и ему говорят, отрекись, а он не отрекается. И шмаляют его. А потом выводят девку молодую, ну, может дворяночку или купчишку, и ещё офицера. Тем вообще по двадцать. Чуть побольше, чем нашим менторам. И ржут – вот спарить бы их, какое потомство гарное было бы. Этих не спрашивают, просто дырки в теле делают, девка смеётся, правда».

Хм, не всё сказали, явно тут подоплёка.

40.

Потянулись дни, несмотря на тревогу постоянную, безмятежные.

Я выучил своих пионэров по именам: Женя (мальчик), Женя (девочка), Валя и Саня. В целом жилистые, в частности – рыхлые ноги у Сани и Вали, сидят больше чем ходят, а ходят больше чем бегают. Женя (девочка) резвая, бодрая, но в глазах тоска. Не знаю, откуда она взялась, не моё дело, но чувствую, что боль её до добра нас всех не доведёт. Женя (мальчик) понятнее, текст ловит на лету, порхает по смыслам, дёргает цитаты, ну как я два-три года назад, натаскать не труд, труд оттащить. А Саня и Валя скорее разменный материал, но мало ли, меня тоже таким считали.

41.

«Тут у нас встреча с ветераном», – говорят капралы. И входит за ними баба Анюта Ягофарова, из тех, светляков с Заречной. «Она вам и расскажет всё, как было, и как быть должно, а как ни в коем».

Баба Анюта вздыхает, на скамеечку приседает, Азат с Невзором подтащили. И сама такая же как скамейка – в трещинках, краска облупилась, муравей порой пробежит со своей хвоинкой – по бабе Анюте ли, по скамейке, пойми ж.

«Так оно и есть, – говорит – как извеку повелось. Но сначала был тот, кто отпустил своих потом – Полоз. Был он князь большой, и все кланялись ему, и сосны, и реки, и запруда у Вязовки, и всё что знаешь. И были у него защитнички – горностаи. Летом серые, что змейки твои, зимой белые, только кончик хвоста чёрен. И шустрые были, что птицу, что рыбу – всё Полозу несли, ни в чём он горя не знал. А платил он им золотом, про которое ему ведомо было, в каком месте колечко совьёт, там и рой, насыгнись. И были у него мелкие защитнички, ящерки, что чешуйки его чистили, а в холод облепляли его и тепло своё отдавали. Те, что по оттепели оживали – те далее юркали, царапки гнули, хвостики тянули. Те, что не оттаивали – те камушками становились. Молоденькие сланцем и известняком, те, что постарше – кварцем белым. Совсем почтенные, кто три-четыре холода пережил – и меевиком, а то и малахитом.

И много горностаи золота прибрали, но кто побольше, а кому досталось горсть да щепоть. И стали эти змейки королевские между собой разговор говорить, щебетать, поску-

ливать. Тот, мол, два чебака вчера принёс, а я, а я, и подлещика, и двух белок добыл, да малины лесной душистой лукошко. А эта только шишек сосновых, на самовара растопку. Но у нас-то горсть да щепоть, а у них пригоршни! И ящерики тут как тут. Не хотим мы в кварц да малахит, хотим шмеля и муравья, и стрекозу с осоки снять, а тепла и самим мало.

И похолодало тут, резко так, что земляника из красной обратно в зелёную вышла, и скрутился полоз во все свои кольца, дёрнулся, вздрогнул, выгнулся дугой. Нет, говорит, я за всё добро честным золотом платил, а свалку-сволочь вашу не готов. Не надо мне нести ничего, и греть меня не надо. Золота хотите – вот вам оно теперь – а встало солнце, яркое, живое. А сам в камень обратился, в огромный камень от степей южных до морей студёных.

Горностаи, коль служить некому, те в разные стороны подались, кто на шубку, кто в Сибирь. Ящерики тут остались, куда от родных могил денешься, ведь каждый камушек или мать, или отец, или брат с сестрою.

А потом пришли вандалы-карлики с автоматами. На мотоциклах-уралах с колясками. Карлики – это удобно им было, их с вертолётов не видно. Особенно за детьми охотились, кто за мятликом пошёл, того и поминай как звали, завсегда, почитай. Ну или кто взрослый за грибами, но тех не особо трогали – куда их. Когда совсем уж немоготу стало, тогда капралы и пришли, и порядок стал, наконец экраны синие повесили. И солнце золотое, и ящерики по трещинкам муравьёв ловят, и нам спокойнее. Вот так-то было, и есть теперь так, и будет, ну и славно».

42.

Лучше всего выходило, и легче устроено, что правда, у Невзора. Разом и то, и это.

Стоит фертом, и командует: дважды два – четыре!

Эти запоминают, а ритм держат, левое плечо впервые, правая рука назад. То есть и умножения таблица, сравните, шесть шесть, и сорок отроковиц и отроков делают блоки, потом на шпагат-верёвочку, а оттуда вертушку правому, а правый блокирует! Любый запомнит!

У Невзора, как и у всех, появились свои любимчики. Как в поговорке, ему сызмальства любезной: «Кому стручок – тому зрачок». Пионеры не все с ходу, но кто десятку первый выбил – молодец, другие, кто посмекалистей, – тоже вперёд. Остальные лямку тянуть, учёность знать, а то, надо ж, бодры стали на шах-харчах медуницыньских!

Резали по живому горлу осокой. Там, где не дотягивались, руки коротковаты, выдох-подпрыг и сланцем, но это только Мягону так. С вечера мятлик пересушенный в чай, расслабленные, спим крепко. Только я возринчику из запасов достал, письмо писать, да Капитанский про Германа думку думал. Да Невзор ворочался, не дался, твёрдый, с первого. Кто-то их пионэров газеты зажёт, правды советские, правды комсомольские тлеи, тусклый ответ падал на рудой испачканные наволочки, на клейма Известковой кастеляции.

*

Куню заосочили первым, он на нижней сопел. С ним у них бесхлопотно вышло, вжик и на новенького. А Венерка не такая, голосина, вдрызг, пена, она-то всех, спасибо, и душу её упокой, и вытянула, как рыбин каких подсекла, живы (не все), но живы...

*

Я с верхней кубарем от Венеркиного крика, и хватать, что, не секу, и не спал ведь, а вот – копошня снаружи, шерстяное всё, пропитанное, мокрое, тяжелее, твёрдый уж Куня на нижней, тёплые пионэры тыкают травой, елозят, венту пытаюсь нащупать. Кого пинком, кого окриком.

С Мягоней им сложнее всего, конечно, оказалось. На бицепсе его три-четыре ручонки повисали, как прищепки бельевые, а он ревел, спросонья, сослепу кровати вокруг крушил, чёткий боец, сладу им не было, мельком я видел пришибленных, еле дышащих по углам, с пяток и более.

Тут другая тактика пошла – и я смотрю – знакомая. Да-да, так нас и учили, покружить вокруг, если много, ловчить чтоб не под удар, и одеяльцем, матрасиком прикрыть, загасить огонёк, пепелок боевой.

Их много потребовалось, да и пространства было не густо – но мы ж их муштровали, мы, где тесно – матрасик нужен, простынок хватит, побольше б только, да с клеймами, да с Известковыми, и вижу я, как Мягоню моего и вяжут сначала, и режут, и течёт слеза его с кровью пополам на тихий кафель.

*

Азатка за сестрёнку рубил рёбра, косил стенку, выл выжданное, вырывал гнёздное, пальцы в колёса совал, бешеный, но сзади пятеро, и не осоклой, просёк кто – нашли лист бумажный, худший, и им, и им по сонной. Сразу голова склонилась батыра юного, отчаянного, верного, сильного, и не отомстил за нашу кашевариху, сестру свою. Горько мне стало.

Спина к спине стоим мы с Капитанским. А Невзор рядом, напевает, мол, не плывёт никто на льдине на словесной бригадине, подбадривает.

*

Герман вошёл. Смотрит в газетку понимающе, с толком. Неплохо, грит, научили – сыночку-то...

Пионэры за его спиной щерятся, пожёвывают, ласковые такие сосуночки, а он к сыну (мы ж не знали, догадывались только, так, кто как) и ебьсь по рылу и, хоп, в живот финочкой наборной.

Невзор взвыл, я столбенел как есть, а эти гурбой вальнули, кагальчиком, и не учили того, что и Герман на дорожке стоит – растеклись на два ручейка, как Вязовка на плотинке,

половинка ко мне течёт, половинка к Невзору, а уж мы хоть и только в капралы возведены, да и в ахуе, но уж таких-то молодых направо-налево покидать – нечего делать. Невзор треть локтями да другими суставами, я табурет прихватил, Герман стоит островком ухмыляется, платочек достал, шёлковый, вытирает.

Я – Капитанскому: «Паря, ты как, живой». А он: «Бегите, братцы, я тут спою, вытяну, та ещё песня будет». И поднимается, пошатываясь, правым косит на плакат – «Врунгеля» я ещё в первый день повесил, замесил, высветлил, левым на батю свово, прокряхтел-прокашлялся и завёл-завыл. Были б синие экраны вокруг, сразу бы загорелись.

Кто стоит на берегу пруда,
Тот не видал в жизни невода,
Потому что невод не про стоячих вод,
Невод о той воде что свободно течёт.

И пока течение сверху вниз,
Он останавливает жизнь,
Но как только кровь снизу вверх потечёт,
Этот невод откроет беззвучно рот.

Невзор выламывал решётку, гнулись сухожилия, бетон кряхтел, крошка в рот просилась. Мои (Валя, Валя, Женя и Саня) стояли рядом и гаданно ли это – его как бы пропустили, вот тебе волюшка, вот карьер под нырок, ну нырк, ну и... А ждали меня – глазки добрые, любознательные. А за спинками их моржи как раз, боёвка, кстати, не пескари. Как внутрь вошли – не спрашивать же.

*

Когда всех наконец убили, всех, капралы сели, на том пригорке, где я всю жизнь маслят резал, порой под шапку, порой с ногой захватывал, склизских. И там достали мой возрин. Они в своих касках были, словно маслята, сидели. Скользкие, так и просятся, срежь нас.

С проткнутой арматурой рукой не срезал бы, а так да, дело плёвое.

Хорошо, сын, что ты не забываешь читать, это правильно, и что возрина тебе на это хватает, не тратишь попусту. Помни, что скоро новый учебный год, программа большая, но ты лето не зря провёл, не только купаться бегал. Очень соскучились.

Твои мама и папа.